

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.26>

Капустина Евгения Александровна, Стенина Виктория Федоровна

СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ СЕМЬЯ И ДОМ В АЛТАЙСКОМ БЫЛИННОМ ЭПОСЕ

В статье исследуются наполнение концептов "семья", "дом" и их лексическая репрезентация в былинном эпосе Алтая. Подтверждается, что алтайская эпика не претерпевает влияния народного творчества тюрко-монгольских народов Сибири и продолжает сюжетику общерусского фольклора. Авторами сделана попытка ретроспективного анализа проблемы, где эпические тексты осмысляются прецедентными феноменами, отражающими языковую картину мира в историческом срезе. Определяются периферийные и центральные признаки концептов, описывается их лексическая и семантическая маркировка в алтайских былинах. Наследуя поэтику русского народного творчества, алтайский былинный эпос избегает частотной эксплицитной номинации слов "семья", "дом". "Семья" чаще маркируется обозначением членов семьи и отношениями между ними. Семейно-брачные связи в былинах репрезентируют чаще родственные, чем супружеские отношения. "Дом" чаще номинируется синонимичными лексемами, фиксирующими аксиологическую оценку субъектов, которым принадлежит жилище. Рассмотрено семантическое ядро концептов, которые утверждаются основной константой русской культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 2. С. 318-323. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81:398.1(571.15)

Дата поступления рукописи: 01.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.26>

В статье исследуются наполнение концептов «семья», «дом» и их лексическая репрезентация в былинном эпосе Алтая. Подтверждается, что алтайская эпика не претерпевает влияния народного творчества тюрко-монгольских народов Сибири и продолжает сюжетику общерусского фольклора. Авторами сделана попытка ретроспективного анализа проблемы, где эпические тексты осмысляются прецедентными феноменами, отражающими языковую картину мира в историческом срезе. Определяются периферийные и центральные признаки концептов, описывается их лексическая и семантическая маркировка в алтайских былинах. Наследуя поэтику русского народного творчества, алтайский былинный эпос избегает частотной эксплицитной номинации слов «семья», «дом». «Семья» чаще маркируется обозначением членов семьи и отношениями между ними. Семейно-брачные связи в былинах репрезентируют чаще родственные, чем супружеские отношения. «Дом» чаще номинируется синонимичными лексемами, фиксирующими аксиологическую оценку субъектов, которым принадлежит жилище. Рассмотрено семантическое ядро концептов, которые утверждаются основной константой русской культуры.

Ключевые слова и фразы: концепт; лингвокультурный концепт; концепты «семья» и «дом»; фольклор; былинный эпос.

Капустина Евгения Александровна, к. филол. н., доцент

Стенина Виктория Федоровна, к. филол. н., доцент

Алтайский государственный технический университет имени И. И. Ползунова, г. Барнаул

evkapustina@yandex.ru; steninavf@rambler.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ *СЕМЬЯ* И *ДОМ* В АЛТАЙСКОМ БЫЛИННОМ ЭПОСЕ

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Лингвокультурологические подходы в контексте развития трансграничного сотрудничества Большого Алтая» № 17-14-22001.

В конце XX века в отечественной лингвистике появились исследования, реконструирующие, описывающие и осмысляющие языковую картину мира. Адекватной метаязыковой единицей, позволяющей реализовать этот процесс, стало понятие «концепт». В отечественной науке достижения этих исследований были зафиксированы в идеографических словарях. В перечень основных концептов данных словарей исследователи неизменно включают концепты «семья» и «дом» – доминирующие репрезентанты своеобразия языковой и национально-культурной картины мира. Вместе с тем словари демонстрируют различные способы описания концептов.

В словарях под редакцией Л. Г. Бабенко «Родственные и семейные отношения» – это самостоятельный раздел, в котором представлены денотативная и понятийная сферы концепта «семья» [4; 9].

Ю. С. Степанов в число концептов русской культуры включает «любовь», «семью», «дом», описывая и осмысляя их в культурологическом аспекте от истоков (этимологические словари) до их трактовки видными мыслителями, писателями и рядовыми членами общества наших дней [18].

Словарь под редакцией Н. Ю. Шведовой описывает концепт «семья» как «единицу русской картины мира с собственно языковой точки зрения», представляя примеры «типичной сочетаемости лексических единиц» и «цитаты из текстов (в основном) художественной литературы» [16].

На сегодня, кроме словарей, существует достаточное количество диссертаций и статей, описывающих концепт «семья» в различных аспектах. В них концепт «семья» изучается как репрезентант национальной языковой картины мира, часто сравниваясь с картинами мира других языков, описываются его специфические языковые характеристики. Кроме того, многочисленны исследования индивидуально-авторской (поэтической) трансформации данного концепта. Чаще всего исследования осуществляются на материале различных словарей русского языка, художественных и публицистических текстов русской литературы, данных Национального корпуса русского языка (Н. Н. Занегиной [8], М. В. Матвеева [10]), реже – древнерусской литературы: летописей, «Домостроя» (М. В. Матвеева [Там же]), «Повести о Петре и Февронии» (А. Л. Николаева [13]) и семейных родословных (Н. Н. Рухленко [17]).

Единичны исследования концепта «семья» в русских фольклорных текстах: пословицах и поговорках (Ц. Чу, Н. В. Савельева [23]), сказках (Е. И. Алещенко [1], И. П. Черноусова [22]). В былинном эпосе концепты «семья» и «дом» практически не исследованы, за исключением статьи И. П. Черноусовой, в которой концепт «создание семьи» рассматривается в сказках и былинах центральной и северной России.

Таким образом, изучение концептов «семья» и «дом» в былинном эпосе Алтая представляется **актуальным** по нескольким причинам. Во-первых, по причине неизученности данной темы. Во-вторых, исследование концептов «семья» и «дом» в фольклорных текстах, и в частности в былинах, в лингвокультурологическом аспекте позволяет сделать попытку ретроспективного анализа проблемы. В-третьих, материалом для описания и осмысления концептосферы этих понятий стал алтайский былинный эпос, который, с одной стороны, продолжает сюжетику, поэтику и образы центральной и северной части России, с другой – алтайские

былины в некоторых случаях представляют редкий региональный вариант исторического эпизода. Например, былина с редким сюжетом «Про Илью Муромца и Тугарина» или «Об Илье Муромце и Алеше Поповиче» – это вариант «редкой былины о богатырях на Соколе-корабле, известной, главным образом, в Сибири у казаков» [5, с. 359]. Кроме того, в некоторых былинах Алтая обнаруживается влияние сибирского быта: в былине «Суханьша Замантьев» показан взбунтовавшийся Днепр, который «принял характерные очертания взбунтовавшейся горной (Алтайской) реки во время половодья» [Там же].

В связи с этим алтайские тексты иллюстрируют характерную концептосферу, которая, во-первых, продолжает общерусские представления, во-вторых, представляет несколько иное, по сравнению с современными представлениями, лексическо-семантическое наполнение концептов.

Целью нашего исследования является анализ лексико-семантической и лингвокультурологической реализации концептов «семья» и «дом» в былинном эпосе Алтая, который воспринимается как часть культуры трансграничного пространства Большого Алтая. Русский былинный эпос, функционирующий на территории Алтая, отражает лингвокультурологическую специфику русского народа, населяющего трансграничное пространство, с одной стороны, и фиксирует общую для народов Большого Алтая аксиологию основных констант культуры [2]. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: анализ периферийных и ядерных констант концептов «семья» и «дом» в алтайском былинном эпосе, выявление оценочной и эмотивной составляющей концептов, отражающих их аксиологическую сущность, выявление основных ретроспективных форм их актуализации, а также сопоставление с современными формами репрезентации этих концептов [Там же].

Это определяет **научную новизну** работы: сделана попытка ретроспективного анализа лингвокультурологической реализации концептов «семья» и «дом» в алтайских былинах, которые осмысляются характерной частью культуры Большого Алтая.

Концепты «дом» и «семья» являются основополагающими в картине мира любого народа [Там же]. В русской культуре и русском языке эти концепты взаимообусловлены. Так, стимул «семья» в современном ассоциативном словаре раскрывается в том числе и через ассоциацию «дом», которая является одной из самых частотных (42 реакции) [21, с. 211]. В ассоциативных реакциях на стимул «дом» второй по частотности ассоциацией в словаре указана «семья» (47 реакций), наиболее частой – «родной» (57 реакций) [Там же, с. 92]. «Дом» является пространственным синонимом слова «семья» и образует оценочную зону концепта «семья», в то время как номинации «семья» и «родной» являются семантическим ядром концепта «дом», в котором наиболее устойчивые признаки выражаются с помощью семейно-родственных характеристик.

В былинах слово «дом» не частотно, что объясняется поэтикой фольклора, где целостное описание образа заменяет его характерная типичная деталь [11, с. 15]. Отсутствие целостности образа диктует и отказ от прямой его номинации.

Слово «дом» в былинах появляется лишь трижды. Во-первых, для маркировки семейного очага, который покинул богатырь: «В те поры Ильи Муромца дома не случилось; / полевал он далече в чистом поле, – / зверя лютова на копье ловил» [12, с. 54]. «Полевать» – устаревшая вариация слова «охотиться» [19]. Здесь герой выступает в статусе частного человека, выполняющего домашние занятия. Этот эпизод отсылает к устойчивому сегодня обороту «(кого?) нет дома» и реализует образ дома как локуса жизни семьи: «Во дворе была токмо Савишна, / молода жена Ильи Муромца» [5, с. 54]. Дом – это не только семейный очаг, но и конкретное жилище. В данном контексте «дом» и «двор» – синонимичные понятия.

Во-вторых, в былине «Алеша Попович и Еким Иванович» появляется форма множественного числа: «Во Чернигове-городе не бывано, / И пива, вина много не пивано... дома, кабаки были вольные» [Там же, с. 87]. «Домы, дома» – в значении общественных, социальных локусов. Таким образом, лексема «дом» в былинах появляется для обозначения противоположных понятий: маркировка, с одной стороны, частного, семейного пространства, с другой – общественного места, казенного дома.

В-третьих, слово «дом» появляется в богородичных молитвах и Ильи Муромца («Илья Муромец и царь Калин»), и Добрыни Никитича («Добрыня Никитич и отец его Никита Романович»): «За твой я дом стою – церковь соборную» [Там же, с. 44]. В этой номинации обнаруживается совмещение понятий: дом как родина, родная земля. Кроме этого, в былинном эпосе Богородица соотносится с образом матери, а богородичная молитва – с «матушкиным» благословением, выполняющим охранительную функцию [24, с. 95]. В связи с этим христианская земля и церковь соотносятся с домом как семейным локусом, пространством матери и Богородицы [24], в результате образ дома расширяется до понятия родины.

В фольклорных текстах чаще встречаются не прямые или синонимичные номинации семейного топоса. В былине «Добрыня Никитич и отец его Никита Романович» представляется популярный эпический сюжет – бой богатыря со змеем. В этой былине сын наследует вещи и силу умершего отца: «Немного Никита пожил – преставился: / остается у Никиты житье-бытье, / остается Никиты все богатство» [5, с. 64]. «Житье-бытье» здесь отсылает к хозяйственной семантике «дома» и реализует сопоставление с двором. Таким образом, в национальном сознании наряду с духовно-ценностной парадигмой дом – церковь – земля – родина появляется материальная составляющая дома: это субстанция, неразрывно связанная с физическим, вещественным воплощением (двор, хозяйство, быт).

Примеры подобного «овеществления» образа представлены во многих былинах. Устойчивый фольклорный образ «высокий терем» – синонимичная вариация семейного пространства: «Едут они на улицу широку / ко тому терему высокому, / и увидела их родима матушка / сквозь тое окошечко косящего, / сквозь тое окошечко стеклянну. / И бежит она скоро на красно крыльцо» [Там же, с. 101]. «Терем» реализует не столько

социальную семантику («дворец», «большое высокое жилое здание» [7; 19]), сколько аксиологическое значение – это ценностное пространство матери. Овеществленный образ дома маркируется деталями – «окно» и «крыльцо», которые являются материализацией двух типичных для былинного эпоса ситуаций: проводы богатыря на подвиг или встреча героя и матери после подвига. Обязательные атрибуты этих ситуаций: дом как локус встречи или прощания и мать как эмоционально-аксиологическая персонализация. Уточняющая номинация дома или его части – «светлица»: «Подхватывал он матушку под правую руку. / И ведут они ее в светлую светлицу» [5, с. 101]. «Светлица» – «светлая, чистая, парадная комната в доме» [19], это лексическая вариация, обозначающая в эпосе только камерное, домашнее пространство – материнский дом. Дублирование признака в тексте («светлая светлица») прочитывается как усиление эмоционально-ценностного признака своего, дорогого локуса, где традиционный для эпоса эпитет «светлый» – атрибут не внешнего, а внутреннего мира. Синкретизм внешнего и внутреннего продолжается благодаря законам мифологического сознания, однако проявлявшегося в былинах рудиментарно. Неразличение внутреннего и внешнего в алтайских текстах находит реализацию в психологическом параллелизме не только мира природы и мира человека, но и обязательном отражении внутренних, духовных процессов в физическом, материальном мире [6].

Высокий терем, в котором встречаются героя или из которого богатырь отправляется на поединок, в былинах встречается и для обозначения княжеского пространства: «Едет он ко ласковому князю Владимиру, / ко солнышку ко Сеславьеву; / едет он ко высокому терему, / выезжает на улицу на широкую» [5, с. 62]. Здесь атрибутив «высокий» маркирует социальную семантику – «дворец» или «высокое жилое здание» [19], с одной стороны, и ценностные признаки княжеского локуса – с другой. Положительная аксиология «терема» Владимира усиливается устойчивыми характеристиками князя: «ласковый», «солнышко». В описании княжеского дома былинный эпос использует и постоянное сочетание «палата белокаменная»: «Приведи ты Соловья, вора-разбойника, / Во мой высок терем, / в мою палату белокаменну» [5, с. 41]; «У нас-то было во Московском государстве / строена была палатушка белокаменная, белокаменная палатушка грановитная» [Там же, с. 93] и т.д. «Палата» («палатушка», «палати») становится синонимичной вариацией «терема» в случае обозначения дома князя, а определение «белокаменная» соотносится с эпитетом «высокий» и подчеркивает не только материальную (сделана из белого камня), но ценностную характеристику объекта. В силу неразличения мифологическим сознанием духовного и физического миров устойчивый в эпосе цветовой признак «белый» атрибутирует чистоту образа: «белое лицо» Добрыни [Там же, с. 69], «бела грудь» Алеши Поповича [Там же, с. 60], «белые руки» князя [Там же, с. 74] и т.д. Это ассоциативно отсылает к номинации материнского пространства – «светлая светлица».

Таким образом, терем князя – это социальная вариация образа дома и шире – родины. В связи с этим князь, как и мать, становится персонализацией образа родины. К сопоставлению фигур князя и матери подталкивает параллелизм ситуации встречи богатыря в доме матери/князя: частотный атрибут встречи «красно крыльцо». Здесь обнаруживается либо абсолютное совпадение эпизода – и мать, и Владимир видят богатыря в «окошечко косящего» и бегут «скоро на красно крыльцо» (ср.: «Добрыня Никитич и отец его Никита Романович», «Михаил Казарягин»), либо частичное – князь выходит на крыльцо, чтобы пригласить богатыря («Про Илью Муромца и царя Калина»).

Однако помимо семантических и символических совпадений в репрезентации княжеского и материнского локуса в былинах обнаруживается и расхождение этих образов. Терем князя более вариативен в номинациях («высокий терем», «палата белокаменная») и получает большую материальную детализацию и овеществление, чем локус матери, родной дом. Почти всегда в репрезентации княжеского пространства появляется эпизод «пира»: «У ласкова князя Владимира, / у солнышка у Сеславьича / было столованье – почетный пир» [Там же]. Столоvanье и пир здесь – равнозначные синонимы. Образы еды, питья, поглощения в былинах продолжают народную культуру Средневековья и Ренессанса, описанную М. М. Бахтиным, по мнению которого «пир на весь мир» связан с «народно-праздничными формами культуры» [3, с. 307]. В былинных текстах княжеское столованье также реализует ситуацию «пира на весь мир»: «Он и всех поит и всех чествует, / он-де всем, де-князь, поклоняется» [5, с. 74]. Пиршественные эпизоды в княжеском пространстве выполняют традиционную для народной культуры функцию – это «не биологический, животный акт, а событие социальное» [3, с. 311], поэтому является «существенным обрамлением мудрого слова, речей, веселой правды» [5, с. 313]. Не случайно в некоторых былинах («Добрыня Никитич и Василий Казимерской», «Про Илью Муромца и царя Калина» и др.) именно во время столования обозначается проблема, которую должен решить былинный герой своим подвигом.

Кроме масштабности и «положительного гиперболизма» пиршественные эпизоды в фольклорных текстах выполняют функцию овеществления, материализации образа княжеского дома. В духовной вертикали, свойственной средневековому сознанию (духовное-телесное), терем князя является более сниженным пространством, чем «светлый» материнский дом, не имеющий в былинах материальных реалий, кроме тех, что маркируют ситуацию проводов-встречи богатыря (крыльцо, окно). В данном контексте прочитывается и частотная для княжеского дома деталь – «кирпичат пол» – утяжеляющая и овеществляющая образ высокого княжеского терема. Не случайны в связи с этим эпизоды: «потупил очи ясные в кирпичат пол» [Там же, с. 48, 76], «бьет о кирпичат пол» [Там же, с. 46]. Это реализует архетипичную оппозицию верх/низ, душа/тело; пол является элементом низа, телесного, а его упоминание снижает образ.

Однако эта интерьерная деталь былинного эпоса соотносится с современными языковыми и ментальными реалиями: ассоциативный словарь дает относительно частотную (7 реакций) ассоциацию «кирпичный» слова-стимула «дом». Былинные тексты также фиксируют постоянные признаки образов, формирующих

ядро и периферию концептов «дом» и «семья». Частотные и менее частотные характеристики, составляющие структуру концептов, реализуются в былинных образах и номинациях и находят отражение в сознании современных носителей языка, поэтому передают национальные представления.

«Матримониальный» словарь былин сравнительно разнообразен: «жена» (20), «замуж» (3), «замужество» (2), «жениться» (2), «женех» (2), «женю» (1), «сватанье» (1), «сватаюсь» (3), «запросваталась» (2), «обручилась» (2), «обручница» (2), «подвенечница» (2), «свадьба» (2), «муж» (1), «высватали» (1), «посватайте» (1), «сосватаньем» (1), «свашенька» (1). Брачные планы неоднократно упоминаются в былинах, но не реализуются, так как предполагаемые невесты оказываются сестрами предполагаемых женихов: княгиня Апраксия (вариант Забава) – «сестрой крестовой», а «красны девицы» – «сестрицами родимыми» (см. «Добрыня Никитич и отец его Никита Романович (Бой со Змеем)», «Об Алеше Поповиче», «Михаил Казарятин»). Это подтверждает доминирование семейно-родственных отношений над семейно-брачными в лексическом и понятийном поле концепта «семья» в былинном эпосе Алтая, что характерно для эпоса в целом.

Исследователи уже указывали на отрицательные коннотации, связанные с браком и семьей в былинном эпосе [15; 12; 20; 22]. Это объясняется иными ценностями героического эпоса, фокусирующегося «не на семейном и социальном аспектах, а на племенном и государственном» [12, с. 26]. И. П. Черноусова, исследовавшая концепт «создание семьи» в фольклорно-языковой картине мира на материале цикла былин о сватовстве, замечает, что процесс женитьбы героя в былине «отличается противоречивым к нему отношением», «нарушает гармонию эпического мира и ведет к конфликтам», а «брак не всегда является счастливым» [22, с. 305].

В былинном эпосе Алтая «муж» и «жена», реализующие семейно-брачные отношения, также являются лексической репрезентацией концептов «дом» и «семья». В былинах реализованы два варианта семейно-брачных отношений: князь/княгиня, герой былины / его жена.

Семейно-брачные отношения князя и княгини описаны опосредованно, последовательно не реализуя номинации «муж» и «жена». Они воспринимаются подданными (князьями, боярами, богатырями) как единое целое, оплот государства («берегчи князя со княгинею», «мы все с тобой, со княгинею» [5, с. 53]) и закреплены за одним локусом. Им кланяются «наособицу», «особь статью» [Там же, с. 37, 39, 78, 89], т.е. «отдельно», поднимаясь на ноги [19], и приветствуют вместе, часто используя былинную формулу: «Здравствуешь, ласковый Владимир-князь / И со душечкой со княгинею» (см. былины «Илья Муромец» [5, с. 37, 39], «Илья Муромец и царь Калин» [Там же, с. 43], «Добрыня Никитич и отец его Никита Романович (Бой со змеем)» [Там же, с. 63], «Добрыня Никитич и Василий Казимерской» [Там же, с. 78]).

Семейное «житье-бытье» князя и княгини связано с государственными интересами: войнами, защитой государства от врага, пирами-столованьями, которые превалируют в былинном эпосе. Семейные отношения между князем и княгиней даны через характеристики, которые они дают друг другу, и репрезентированы через материальные элементы их «житья-бытья» в двух былинах – «Про Илью Муромца и царя Калина» и «Ставер Годенович».

В основном в былинном эпосе сказители используют формульные номинации и характеристики князя и княгини: князь Владимир – «ласковый», «солнышко», «батюшка», «Сеславьев», «великий»; княгиня – «душечка», «молода». Указанные характеристики князя являются элементом идеализации и не совпадают с его поведением и поступками в сюжете (хвастовство, желание «насмеяться»). У княгини, как правило, «номинативный статус»: она не говорит и не действует. В былине «Про Илью Муромца и царя Калина» нарушение этого приводит к ссоре между князем и Ильей Муромцем. В текст этой былины введен диалог между князем и княгиней на пиру. В нем номинации и характеристики князя княгиней формульны, а лексика, использованная князем при обращении к княгине, имеет эмоционально-аксиологическую окраску: «Глупая княгиня, неразумная / Сними-ка себе буйну голову / То прирастет ли она снова?» [Там же, с. 40]. Характеристики княгини, данные князем и повторяющиеся неоднократно («неразумная», «глупая»), не совпадают с характеристиками сказителя («сдогадливая»), а поступки княгини, спасающей Илью Муромца, идут вразрез с поступками князя.

В былине «Ставер Годенович» «житье-бытье» князя и княгини репрезентировано через изображение «княженецкого дворца» («хоромы княженецкие», «палаты белокаменны»), а также бытовые элементы, описывающие обыденное времяпрепровождение княжеской четы, в частности развлечение гостя: «и пили, играли, проклаждалися», «костью, картами забавлялися», мылись и парились в банюшке-паруше [Там же, с. 119].

Эти былины не репрезентируют семейной жизни князя и княгини в целом, однако в них отчетливо прослеживается наложение государственного и семейного, оттеснение семейно-брачных отношений на периферию. Вместе с тем наличие бытовых элементов княжеского «житья-бытья», ссоры князя и княгини позволяют говорить об отсутствии гармонии в семейно-брачных отношениях княжеской четы, о неоднозначности роли княгини в рамках семейно-брачных отношений. Все это объясняется исторической ситуацией, описываемой в былинах: междоусобицы и войны в государстве не гарантируют гармонии в семье. На это указывают змееборческие былины «Добрыня Никитич и отец его Никита Романович (Бой со Змеем)» и «Рождение богатыря», в которых Змей уносил княгиню в свои «пещеры». Змееборческие сюжеты былин восходят к греческой и библейской мифологии, восточнославянским мифам о Велесе и Перуне, а также описываемым историческим ситуациям: похищения женщины, насилие, беременность (см. фрагмент начала былины «Рождение богатыря»). Отсюда натурализация изображения княгини: это уже не «превелика госпожа», а обычная женщина. Так описано ее времяпрепровождение (ходила... в зеленом саду, ступала... с камня на камень), даны элементы портрета («вкруг ног», «резвы ноги», ножка, «башмачок сафьянов», «белые груди человечески», «уста сахарны»), описано эмоциональное состояние («израдовалась», «слезно заплакала», «возрадовалась») [Там же, с. 68-69, 71-72].

Второй вариант семейно-брачных отношений – «герой былины / его жена». Они номинируются как «муж» и «жена», а потому являются лексической репрезентацией концептов «дом» и «семья». Особое внимание следует обратить на частотность употребления лексем «жена» (20), «муж» (1). Номинация «муж», реже употребляемая, чем «жена», чаще реализует семантику «мужчина и деятель», чем «супруг» [19]. Это связано с жанрообразующими признаками былины, центром которой является богатырь – в первую очередь деятель и только во вторую – супруг. Интимное/частное в былине подчинено общему (государственным интересам), поэтому зачастую нивелируется или включается в текст в целях акцентировки более глобальных проблем. Это указывает на то, что муж и жена, а также супружеские отношения в былинах являются периферийным признаком исследуемого концепта. Вместе с тем номинация «жена» 20 раз функционирует в 7 былинах, собранных С. И. Гуляевым, в некоторых случаях имеющих исключительно редкую сюжетику, не всегда учтенную исследователями при составлении сюжетных указателей былин [14].

Жены героев выполняют различные функции в былинном эпосе Алтая.

Сюжетные элементы былины «Добрыня Никитич и отец его Никита Романович (Бой со Змеем)» воссоздают биографию главного героя: смерть отца, вдовство матери («остаётся у Никиты молода жена»), сиротство Добрыни. Функция молодой жены Никиты – материнство – последовательно реализована в сюжете (см. выше). В текстах былин знаком вдовы Никиты и матери Добрыни, как и красных девиц-половнянок, являются «слезы», что указывает на связь былин с песенными жанрами: «плачет, как река течет» [5, с. 65].

В былинах «Про Добрыню и жену его» (отрывок былины) и «Алеша Попович» («молода жена» становится предметом хвастовства. Обе былины – это фрагменты начала былин: в первом случае начало неизвестной былины [Там же, с. 363], во втором – вариант начала популярной былины, где молодой женой «прирасхваливается» не герой, а один из князей-бояр. Хвастовство «небывальей своей да молодой женой» [Там же, с. 117] как одно из звеньев сюжета реализовано в былине «Ставер Годенович». Элементы *хвастовство, наказание, спасение и освобождение героя женой* последовательно реализуют сюжет былины, репрезентируя концептосферу «семья» через характеристику концептов: «некорыстный домишко» [Там же, с. 116] – «три терема златоверховаты» [Там же, с. 117] в Столе-городе, жена Василиса Никулишна и «житье-бытье» героя и его жены.

В былине «О Дунае Ивановиче» реализован другой тип отношений между мужем и женой. Сюжет включает элементы состязания мужа и жены с их последующей смертью [Там же, с. 369-370]. Состязанию предшествует оскорбление богатыря женой – «при беседе избесчестила» [Там же, с. 114].

Жены богатырей, реализуя разные функции в сюжете былин, часто одинаково характеризуются и имеют сходные черты. Самая частотная характеристика «молода жена» (4), еще один маркер «жен» героев – «сердце» (3): «молодое сердце надорвалось» [Там же, с. 54], «угодил по самому сердцу» [Там же, с. 114], «ретивым она сердцем хитра-мудра» [Там же, с. 117]. Лексема «сердце» имеет амбивалентную семантику: иногда помогает спасти богатыря, родину, сослужить службу «царскую, государскую» («Про Илью Муромца и Тугарина», «Ставер Годенович»), а в некоторых случаях становится знаком страстей, излишней ретивости и приводит к гибели («О Дунае Ивановиче»). Молодость и красота синонимичны, поэтому часто характеристика жены богатыря ограничивается формулой «молода жена», а ее портрет чаще всего репрезентирован через отдельные элементы: «белые руки» атрибутируют «чистоту», а «златые перстни» становятся маркером замужней женщины.

В «исключительно редком» сюжете былины «Про Илью Муромца и Тугарина» [Там же, с. 360] «молода жена» Савишна выполняет функцию замещения героя. Процессы переодевания и замещения отсылают к мифологическим представлениям о нерасчлененности концептов мужа и жены, сохранившимся в русских паремиях. Рудименты этих представлений сохраняются в сюжетах былин. В былине «Про Илью Муромца и Тугарина»: переодевание («Одевалась в платье богатырское» [Там же, с. 54]), владение оружием («Не была колчан каленых стрел, / Тугой лук, саблю острую» [Там же]) и полное перевоплощение («богатырский скок», «богатырский свист» [Там же]). В былине «Ставер Годенович»: переодевание («Подстригала она себе русы волосы» [Там же, с. 118]), смена имени («Называла она себя Василий сын Васильевич» [Там же]), борцовские навыки («Поборола Алешу Поповича», «Добрыню Никитича пнула под гузно»). Ставер Годенович и Василиса Никулишна меняются местами, особенно показательна в этом отношении последняя сцена, где основные атрибуты жены употреблены при описании мужа: «И берет она его за белы руки, / За те перстни злаченые, и целует в уста сахарные» [Там же, с. 10].

В былинах хвастовство героя женой строго наказывается князем: наказание несет не только муж, но и жена. В былине «Ставер Годенович» героя садят в «шанцы глубокие», а его жену приказывают привезти к князю, а «дорогой над ней насмеяться», «надругаться», «взять нечестно» [Там же, с. 117-118]. В принципе герой наказывается не столько за хвастовство, сколько за то, что ставит интересы семьи и собственного дома выше интересов государства. Матримониальные планы, связанные с невестой из другой земли и совершаемые в рамках государственных интересов, не соотносятся с семейными ценностями: «От жива ты мужа жену берешь» [Там же, с. 125] (см. былинку «Иван Годенович»). Этот единственный случай функционирования концепта «муж» в былинном эпосе Алтая в значении «супруг» также демонстрирует доминирование государственного над семейным.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: концепты «семья» и «дом» в былинном эпосе Алтая, с одной стороны, представляют единое целое, имеют общую лингвокультурологическую и аксиологическую основу, с другой стороны, они имеют различную лексическую и семантическую реализацию. Кроме этого, ассоциативные реакции, отражающие современный язык и культуру, продолжают исторически сложившееся понимание, зафиксированное в былинном эпосе, который является прецедентным текстом культуры. Былинный

эпос традиционно фиксирует более разнообразные лексические формы актуализации концептов. Поэтому фольклор в целом и былины в частности дают исторический срез языковой картины мира.

Список источников

1. **Алещенко Е. И.** Фольклорный концепт «семья» и основные способы его вербализации в русской народной сказке // Рациональное и эмоциональное в литературе и в фольклоре: материалы IV Международной научной конференции / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград: Федеральное агентство по образованию; ВГПУ, 2008. С. 163-170.
2. **Барышникова Н. Г., Белокурова С. М., Двоежанова Н. Г., Карагодин А. А., Карагодина И. А., Киба О. А.** Лингвокультурологическая реконструкция концептосферы народов Большого Алтая (на примере концепта «семья») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78). Ч. 4. С. 65-69.
3. **Бахтин М. М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
4. **Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы** / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-пресс книга, 2005. 864 с.
5. **Былины и песни Алтая: из собрания С. И. Гуляева** / сост. Ю. Л. Троицкий. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1988. 392 с.
6. **Веселовский А. Н.** Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 648 с.
7. **Даль В. В.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1978. Т. 1. 699 с.; 1979. Т. 2. 799 с.; 1980. Т. 3. 555 с.; 1980. Т. 4. 683 с.
8. **Занегина Н. Н.** Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания: автореф. дисс. ... к. филол. н. М.: МГЛУ, 2011. 25 с.
9. **Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремологии). Проспект словаря** / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 340 с.
10. **Матвеева М. В.** Концепт «семья» и его репрезентация в русском языке: дисс. ... к. филол. н. Тамбов: ТГУ, 2007. 249 с.
11. **Мелетинский Е. М.** Избранные статьи, воспоминания. М.: РГГУ, 1998. 576 с.
12. **Мелетинский Е. М.** О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
13. **Николаева А. Л.** Концепт «семья» в «Повести о Петре и Февронии» // *Linguistica Juvenis*. 2016. № 18. С. 157-163.
14. **Петров Н. В.** Сюжетно-мотивный состав русского эпоса: пролегомены к указателю // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Литературоведение. Фольклористика». 2009. Т. 9. С. 105-121.
15. **Пропп В. Я.** Русский героический эпос. М.: ГИХЛ, 1958. 603 с.
16. **Русский идеографический словарь: мир человека и человек в окружающем его мире** / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. 1032 с.
17. **Рухленко Н. Н.** Концепт «семья» в жанре семейных родословных: автореф. дисс. ... к. филол. н. Белгород: БГУ, 2005. 22 с.
18. **Степанов Ю. С.** Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 991 с.
19. **Толковый словарь русского языка** [Электронный ресурс]: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1935-1940. URL: http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117_tolkovyj_slovar_russkogo_jazyka_pod_red._d.n._ushakova (дата обращения: 09.11.2018).
20. **Трофимов Г. А.** Образ женщины в русских народных змееборческих сюжетах // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филологические науки. 2015. № 11. С. 103-109.
21. **Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А., Караулов Ю. Н., Тарасов Е. Ф.** Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М.: Институт языкознания РАН, 2004. 800 с.
22. **Черноусова И. П.** Концепт «создание семьи» в фольклорно-языковой картине мира // «Ищите же прежде Царствия Божия и правды его» (Мф. 6:33): сб. материалов XII Международного форума / отв. ред. Н. В. Стюфляева. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 304-306.
23. **Чу Ц., Савельева Н. В.** Концепты «семья» и «мать» в русской и китайской лингвокультурах (на материалах пословиц и поговорок) // *Studium Juvenis*. 2017. № 9. С. 33-40.
24. **Щепанская Т. Б.** Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.

**SEMANTIC REALIZATION OF THE CONCEPTS *СЕМЬЯ* / *FAMILY*
AND *ДОМ* / *HOUSE* IN THE ALTAI RUSSIAN EPIC**

Kapustina Evgeniya Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Stenina Viktoriya Fedorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Polzunov Altai State Technical University, Barnaul
evkapustina@yandex.ru; steninavf@rambler.ru

The article deals with the content of the concepts “семья / family”, “дом / house” and their lexical representation in the Altai Russian epic. It is confirmed that the Altai epic poetry does not undergo the influence of the folk art of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia and continues the plot of the all-Russian folklore. The authors try to conduct a retrospective analysis of the problem, where epic texts are interpreted by the precedent phenomena that reflect the linguistic worldview in the historical context. Peripheral and central attributes of the concepts are identified, their lexical and semantic marking in the Altai folk takes is described. Inheriting the poetic style of the Russian folk art, the Altai Russian epic avoids the frequent explicit nomination of the words “семья / family”, “дом / house”. “Семья / Family” is often marked by the designation of family members and relationships between them. Family and marital relations in folk tales represent kinship more often than marital relations. “Дом / House” is often nominated by synonymous lexemes, fixing the axiological assessment of the subjects who own the dwelling. The semantic core of the concepts, which are approved as the main constant of the Russian culture, is considered.

Key words and phrases: concept; linguocultural concept; concepts “семья / family” and “дом / house”; folklore; Russian epic.